А.С. Разина

ПРОЕКТ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ «МИР, ОТРАЖЕННЫЙ В НАРОДНЫХ НАЗВАНИЯХ РАСТЕНИЙ»

Представлена концепция этнолингвистического словаря «Мир, отраженный в народных названиях растений». Новый лексикографический труд воспроизводит специфику фрагмента диалектной языковой картины мира, связанную с метафорическим переосмыслением названий растений в терминах объектов и явлений других сфер мироустройства. Реалии флоры и объекты, с которыми они ассоциируются, вписаны в русское культурное пространство. Описана макро- и микроструктура словаря. Приводится пример словарной статьи.

Ключевые слова: этнолингвистический словарь; фитонимы; фитоморфнимы; диалект; языковая метафора; народная культура.

Рубеж XX–XXI вв. ознаменован выходом в свет целого ряда словарей, объединяющих языковедческую информацию и сведения из области культурологии и этнографии: этнолингвистические, этнодиалектные, лингвокультурологические [1–6]. В научной периодике описываются проекты ещё не опубликованных словарей такого типа, а также их отдельные параметры [7]. Такое мощное развитие данного лексикографического направления объясняется сформировавшейся теоретико-методологической базой этнолингвистики и лингвокультурологии. Более подробно эти дисциплины и их «словарные продукты» рассмотрены в статье [8].

Представляется закономерным, что на ранних этапах становления названных направлений отечественного языкознания большинство словарей обращались к очевидно специфичным чертам народной культуры. Первые издания такого рода сосредоточивались на тех сферах жизни, которые могут быть непосредственно наблюдаемы. Язык выступал лишь средством их описания. Однако сейчас ясно, что многие «лексические единицы (в том числе и те, которые на первый взгляд кажутся имеющими переводные эквиваленты в других языках) включают в себя лингвоспецифичные конфигурации идей. При этом нередко обнаруживается, что эти конфигурации смыслов соответствуют каким-то представлениям, которые традиционно принято считать характерными именно для «русского» взгляда на мир» [9. С. 18].

Со временем в поле исследовательского интереса оказались особенности не только «русского языка вообще», но и конкретных диалектных систем, репрезентированные в языке (диалекте), где тоже могут существовать специфичные «конфигурации идей».

Фитонимы (названия растений) и фитоморфнимы («лексические единицы, обозначающие различные органы растений и их отдельные участки» [10. С. 5]), казалось бы, не относятся к лексике, аккумулирующей своеобразие этнической культуры. Вместе с тем растения испокон веков активно задействованы как в материальной, так и в духовной составляющей национального уклада жизни. Как следствие, названия растений и их частей являют собой фрагмент диалектной языковой картины мира, выступающей фундаментом для картины мира общенациональной.

Отметим, что фитонимы уже не раз становились материалом строгого аспектного лексикографирования, осуществляемого авторами разной квалификации по разным принципам.

Так, фитонимы являются объектом ряда **тематических словарей**.

Одним из первых отечественных изданий такого рода стал напечатанный в 1878 г. в Санкт-Петербурге выдающийся по своей задумке и содержанию «Ботанический словарь» Н.И. Анненкова [11]. Работа над ним, по признанию автора, была начата ещё в 1850 г. Замысел заключался в систематизации книжных и простонародных названий растений и установлении соответствий между эквивалентными наименованиями. Первоначально словарь составлялся на основе произведений русской литературы. Собранные материалы были опубликованы в 1858 г. под названием «Простонародные названия русских растений». В предисловии автор просил знатоков помочь ему дополнить книгу. В 1859 г. расширенная версия вышла уже под названием «Ботанический словарь». Размер его статей зависит от объёма собранной автором информации и варьирует от указания на единичный эквивалент латинского наименования до сообщения различных лингвистических и экстралингвистических сведений. Собственно языковая часть словарной статьи во многом воспроизводит традицию переводных многоязычных словарей, расцветшую в отечественной лексикографии XVIII в. Автором приводятся родовые и видовые номенклатурные названия растения на латыни и русском языке; греческие, латинские и средневековые имена, названия, связанные со средневековой фармацевтической практикой; русские диалектные, славянские, а также западноевропейские названия. Кроме того, во многих статьях есть энциклопедический раздел, где указаны места обитания растений, изготавливаемые из них продукты, описано их применение в сельском хозяйстве, медицине и т.д. Дополняют статьи сведения о растениях, почерпнутые из легенд, преданий и других произведений устного народного творчества.

В течение последующего столетия фитонимы не привлекали внимания лексикографов. Новый всплеск интереса к сбору и словарному описанию растительной лексики приходится на вторую половину XX–начало XXI в. Например, близкие по духу к детищу

Н.И. Анненкова словари созданы ботаником И.В. Бугаевым [12, 13]¹. В них приведены наименования того или иного растения, встречающиеся в разных языках (они даются в переводе), в том числе общерусские и сибирские фитонимы, современные и устаревшие. Основные разделы словаря выделены по ботаническому основанию, например «Деревья», «Папоротники», «Цитрусовые». В качестве заглавного слова выступает научное родовое русское наименование растения (иногда с уточнением через латинскую номенклатуру). Далее приводятся сведения о происхождении слова, которые составитель усматривает в дословном переводе его родового латинского или греческого названия и в «народной этимологии». Русские литературные и диалектные фитонимы собраны автором из научной и научно-популярной литературы. В конце статьи обозначаются ботаническое семейство и характеристики растения, а также дается информация об изготавливаемых из него продуктах.

Собственно региональной фитонимической лексике внимание стало уделяться сравнительно недавно. Вышедший в свет в 2000 г. «Словарь народных растений Урала» Н.И. Коноваловой [14] посвящен диалектным номинациям дикорастущих трав. Помимо толкования, словарная статья традиционно содержит варианты названия, латинский эквивалент и научное наименование диалектного фитонима, сведения о системных отношениях фитонимов, стилистические, социальные и ареальные характеристики. Статьи включают небольшие по объему иллюстративные контексты, где эксплицированы мотивировочные признаки, выявлены родовидовые соотношения понятий, полисемия и парадигматика [14. С. 11–12]), В качестве новаторского шага предстает попытка автора выделить «культурологический, сакральный компонент значения» [14. С. 13]: если фитоним и именуемая им реалья связаны с обрядами или народными верованиями, то словарные статьи дополняются фольклорными материалами и сведениями, собранными в полевых условиях или же заимствованными из других публикаций. Зачастую в словарной статье описаны лекарственные свойства растений.

Фитонимической лексике среднеобского диалекта посвящены «Словарь фитонимов Среднего Приобья» [15] и «Словарь названий частей растений: говоры Среднего Приобья» [10] В.Г. Арьяновой, созданные по единому принципу. Структура словарной статьи позволяет соотнести диалектные названия с научной русской и латинской номенклатурой, при этом приведены синонимы, функционирующие в говоре. По сравнению с уральским словарем выигрышным моментом стала иллюстративная зона словарной статьи. Контексты употребления фитонима отражают живую речь носителей диалекта и содержат самые разнообразные экстралингвистические сведения: о внешнем виде растений (цвете, форме, высоте и т.д.) и источаемых запахах, особенностях их вегетации, выращивания и сбора, использовании в быту и роли в праздниках и обрядах. В жанровом отношении речевые иллюстрации очень разнообразны, встречаются частушки, загадки, пословицы, приметы. Многие иллюстративные тексты являются спонтанными импровизациями

информантов, основанными на «традиционных механизмах порождения текста и стереотипах мышления» [16. С. 32]. Они выявляют прагматическое и эмоционально-эстетическое отношение носителей говоров к реалиям флоры, нередко в них встречаются факты метаязыковой рефлексии. Высказывания сопровождаются ареальными пометами, что повышает их эвристическую ценность для дальнейших исследований говора.

Два фитонимических словаря были созданы в рамках мотивологического направления языкознания. «Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: фитонимы» А.С. Савенко [17] и казахско-русский «Мотивационно-сопоставительный словарь наименований растений и птиц» под ред. А.Д. Жакуповой [18] систематизируют мотивированную, полумотивированную и немотивированную лексику, анализируют внутреннюю форму фитонимических единиц. В словарной статье представлены показания языкового сознания и этимологическая справка. Компоненты статьи в целом повторяют разработанную мотивологами универсальную схему представления любого лексического материала.

Всплеск интереса к феномену метафоры, характерный для последних десятилетий, привел к лексикографированию фитонимов как метафорического (образного) пласта лексики. В целом описание единиц с метафорической внутренней формой имеет богатую историю. В нее внесли вклад и томские лексикографы [19–22]. Последний по времени выхода в свет «Словарь образных единиц сибирского говора» [22] включает и ряд фитонимов. Их толкование раскрывает основание ассоциативной связи денотата и источника образной номинации. Соотнесённость образной единицы со сферой-источником фиксируется посредством помет, которые маркируют данные области реальной действительности, но дифференциации статей в отношении сферы-источника образной лексемы нет.

Более плодотворными для нас представляются принципы, разработанные для словаря пищевой метафоры [5]. Несмотря на то, что он не содержит фитонимов, тематический отбор и расположение материала, описание метафорических моделей посредством формулировки образного значения лексем и типовых образных представлений, а также включение культурологического комментария видятся перспективным способом словарного представления сведений о метафорическом миромоделировании самых разных тематических полей.

Предлагаемый нами словарь «Мир, отраженный в народных названиях растений» разрабатывается с учетом опыта рассмотренных выше лексикографических проектов.

Эмпирической базой стали данные, полученные из тематических [10, 15], образных [19, 20, 22] и толковых диалектных [23–26] словарей русских говоров средней части бассейна реки Оби, а также материал, собранный автором в полевых условиях в Шегарском р-не Томской области (2018).

Словарь описывает фитонимы и фитоморфонимы, среди которых встречаются как **собственно диалектные** лексемы – «такие элементы структуры диалекта,

которые свойственны ему, но не известны ни в просторечии, ни тем более в литературном языке» [27. С. 7], так и **общерусские** – «такие элементы его [диалекта] структуры, которые присущи говору, литературному языку и городскому просторечию» [27. С. 7], а также **диалектные варианты общерусских слов**.

Несмотря на то, что названные типы функционирующих в говоре единиц не вызывают дискуссий, специальных исследований, касающихся подобного членения образной лексики, нами не обнаружено. Применительно к собранному нами на настоящий момент фитонимическому материалу мы предлагаем следующее решение этой задачи. Фитонимы и фитоморфони́мы, значение и форма которых полностью тождественны в литературном языке и диалекте, относятся к общерусским лексическим единицам: *маслёнок* ‘маслёнок’², *горицвет весенний* ‘горицвет весенний’, *ножка* ‘часть плодового тела гриба, играющая роль опоры для шляпки’. Когда у диалектной номинации есть литературный эквивалент, но их звуковые оболочки и внутренние формы не имеют пересечений, лексическая единица считается собственно диалектной: *бархатинка* ‘медуница мягчайшая’, *собачка* ‘череда’, *белоголовый щавель* ‘гречиха кистевидная’, *боговы батожки* ‘зопник клубненосный’, *стебель* ‘ножка гриба’. При этом наименование может иметь в литературном языке первичное неметафорическое значение, например: *барашек* ‘ирис (касатик-узик)’ / *барашек* ‘молодой баран, ягненок’, *медвежьи ушки* ‘толокнянка обыкновенная’ / *медвежьи ушки* ‘органы слуха крупного хищного млекопитающего, обладающего густой шерстью и толстыми ногами’. Если литературное и диалектное названия обозначают одну и ту же реалию, оба слова мотивированы одной и той же лексемой, но различаются аффиксами (*кувшинчик* ‘кувшинка белая’, *свинуха* ‘свинushка тонкая’) или частеречной принадлежностью компонентов (*гусятинная лапка* ‘лапчатка гусиная’), то перед нами общерусский фитоним или же фитоморфоним и его диалектный вариант. Диалектный вариант общерусского названия возникает также в результате замены в говоре одного из компонентов (*полевой зверобой* ‘зверобой обыкновенный’, *узкопёрый пырей* ‘пырей ползучий’).

В структурном отношении отобранные фитонимы и фитоморфони́мы представлены различными типами единиц: универбами (*аистник* ‘аистник цикутный’, *собачки* ‘львиный зев крупный’), двусловными номинациями (*дикий рябинка* ‘пижма обыкновенная’, *куриные хвостики* ‘мятлика луговая’), сложными словами, компоненты которых соединены дефисом (*рука-трава* ‘ятрышник шлемовидный’, *мать-и-мачеха* ‘мать-и-мачеха обыкновенная’), творительным сравнения (*копейками* ‘цветочные корзинки пижмы’, *парашютиками* ‘семянки одуванчика’); сравнительными оборотами: *как ватка* (‘трубчатый гименофор гриба’), *как тарелочка* (‘вогнутая шляпка гриба’).

Принципиальным отличием разрабатываемого нами словаря от «Словаря русской пищевой метафоры» Е.А. Юриной является не только растительная тематика, но и направление исследования метафорических проекций. Описание пищевой метафоры осу-

ществлено в направлении от сферы-источника к сфере-мишени. В нашем словаре направленность обратная: от сферы-мишени «растения» к сфере-источнику «мир».

Анализ сфер-источников растительных метафор проведен в двух направлениях: (1) принадлежность предметов и явлений, с которыми соотносятся наименования растений и их частей, к определённой сфере мироустройства с учётом членения каждой из них на более узкие предметные области; (2) анализ места ассоциируемых реалий в культуре данной языковой общности.

Словарь выстроен как дифференциальный (включающий лексику отдельной тематической группы) и аспектный (метафорологический). Ограничение материала образными названиями растений и их частей позволяет более четко по сравнению с прямыми номинациями увидеть неявные этические, эстетические, аксиологические и утилитарные предпочтения языкового сообщества.

Этнолингвистическая аспектуализация фитонимической лексики прослеживается во всех макроструктурных и микроструктурных компонентах лексикона. Так, макроструктура словаря задана вычленением семантических сфер, с объектами и явлениями которых сравниваются растения и их части. Идеографический принцип, взятый на вооружение языкознанием с 1930-х гг. (см. работы В. Вартбурга, Р. Халлига, Ф.П. Дорнзайфа, Х. Касареса, Й. Трира, Л.Г. Бабенко, О.С. Баранова, Ю.Н. Караулова, Т.В. Козловой, В.П. Москвина, Н.Ю. Шведовой и др.), имеет бесспорные достоинства. Идеографическое распределение лексики позволяет смоделировать области мироустройства, дающие образные рефлексy в сферу флоры, и выявить их весомость как источника метафоризации. Однако ни одна идеографическая классификация не может быть проведена на строгих основаниях. Причисление в нашем словаре определённой лексемы к той или иной тематической группировке иногда имеет условный характер, поскольку семантические сферы находятся в отношениях пересечения, включения и т.д. Например, отсылочный образ *голова*, актуализованный в номинациях *белоголовник* ‘тысячелистник обыкновенный’, *бордоголовка* ‘кровохлёбка лекарственная’, *красноголовка* ‘клевер луговой’, *синеголовник* ‘синеголовник плосколистный’, *черноголовка* ‘черноголовка обыкновенная’, *голова* ‘плод или соцветие округлой формы, расположенные на конце стебля’ и др., входит одновременно в вычленяемые в словаре таксоны «человек» и «фауна».

Разработанная идеографическая классификация сфер-источников (с учетом количественной иерархии) выглядит следующим образом:

I. Человек (*рука-трава* ‘растение ятрышник шлемовидный с корнем в форме руки’, *невеста* ‘растение колокольчик ломкий с белыми, как платье невесты, цветами’).

II. Фауна (*клоповник* ‘растение ярутка полевая с резким, как от клопов, запахом’, *кошка* ‘растение подмаренник Вайланта, стебли которого цепкие, будто кошачьи когти’).

III. Флора (*дикая рябинка* ‘растение пижма обыкновенная, соцветие которого в перевёрнутом виде напоминает гроздь рябины’; *морковка* ‘растение вёх ядовитый, листья и корень которого имеют сходство с морковными’).

IV. Артефакты (*мешочница* ‘растение сумочник пастуший с соцветием наподобие мешочка’; *фонарики* ‘растение коровяк скипетровидный с ярко-жёлтыми, словно фонарики, цветами’).

V. Неорганическая природа (*серебристый тополь* ‘дерево тополь серебристый, у которого одна сторона листа будто посеребрённая’; *огонёк* ‘растение купальница азиатская с цветами огненно-жёлтого цвета’).

VI. Религиозные представления (*ангеловы крылышки* ‘растение бегония королевская, листья которого по форме похожи на крылья ангела’; *чертополох* ‘растение альфредия с формой соцветия, напоминающей чёрта’).

VII. Пространство (*уголочек* ‘заострённая лопасть листа калины, похожая по форме на угол’).

VIII. Количество (*тысячелистник* ‘растение тысячелистник обыкновенный, у которого так много листьев, словно их тысяча’).

Каждая из сфер сегментирована на подразделы. Например, сфера «Человек» представлена: соматизмами (*борода* <= *борода* ‘многочисленные тонкие свисающие стебли-усы’); антропонимами (*Тимофей* <= *timoфей* ‘timoфеевка луговая’); наименованиями сословий (*княгиня* <= *княгиня* ‘смородина белая’); номинациями чувств, эмоций, свойств характера, поведенческих реакций (*плакать* <= *плакун-трава* ‘дербенник иволистный’); терминами родства (*пасынок* ‘боковой побег растения’); названиями занятий, профессий, социального положения (*доктор* <= *дохтур* ‘алоз древовидное’); обозначениями половозрастных характеристик (*бабка* <= *бабка* ‘белый гриб’); наименованиями физических действий (*перехватывать* <= *перехватка* ‘кольцо на ножке опёнка’); этнонимами (*татары* <= *татарин* ‘чертополох курчавый’); номинациями, связанными с речевыми характеристиками человека (*ворчун* <= *ворчун* ‘донник лекарственный’); обозначениями эстетического восприятия человеческой внешности (*красавица* <= *ночная красавица* ‘ночная красавица’); названиями обрядов (*венчание* <= *венчальный цвет* ‘колокольчик ломкий’).

Сложность и возникающая в результате неоднозначность систематизации эмпирического материала связаны с тем, что растительные номинации, в зависимости от их структуры, могут содержать отсылочные образы, относящиеся:

1) не только к одной и той же области мироустройства, но и к более узкой сфере внутри неё (*граммофончик* ‘глоксиния’ – артефакты: музыкальные инструменты);

2) к двум разным узким сферам внутри одной и той же области (*лисохвостка* ‘лисохвост луговой’ – фауна: млекопитающие, соматизмы; *дедушкина борода* ‘камнеломка отпрысковая’ – человек: половозрастные характеристики, соматизмы);

3) к разным областям мироустройства (*мышерепка* ‘клевер белый и луговой’ – фауна, флора: млекопита-

ющие / травянистые дикорастущие растения <= овощные культуры; *пастушья сумка* ‘сумочник пастуший’ – человек / артефакты: профессии, предметы гардероба; *сахарная берёзка* ‘бальзамин султанский’ – артефакты / флора: пищевые продукты, травянистые комнатные растения <= дерево).

Фитонимы, ассоциативные источники которых представляют вторую группу, в словаре включаются в одну из восьми крупных сфер (см. выше) со сдвоенными подразделами. Например, внутри сферы I. Человек: имена собственные / соматизмы (*дунькина губа* ‘свинушка тонкая’); физические действия / соматизмы (*кровохлёбка* ‘кровохлёбка лекарственная’); имя собственное / чувства, эмоции (*анютины слёзки* ‘фиалка трёхцветная’); сословия / соматизмы (*царёвы очи* ‘подсолнечник обыкновенный’); половозрастная характеристика / речь (*бабски сплетни* ‘традесканция’); половозрастная характеристика / обряд (*бабья свадьба* ‘колокольчик ломкий’); половозрастная характеристика / соматизмы (*девичьи щёчки* ‘травянистое растение (?)’); половозрастная характеристика / эстетическая оценка внешности (*девичья красота* ‘колокольчик ломкий’); родственные отношения / чувства, эмоции (*мамины слёзы* ‘ирис’).

Группы фитонимов с метафорическими отсылками к разным областям мироустройства в словаре выступают как сдвоенные крупные сферы, которые также разбиты на более узкие. Например, сдвоенная сфера «Фауна / Неорганическая природа, Неорганическая природа / Фауна») дробится на подразделы: млекопитающие / стихия огня (*медвежий дым* ‘дождевик’), стихия огня / птицы (*горицвет кукушкин* ‘горицвет кукушкин’).

В лексикографируемом материале встречаются также парные номинации с дефисом, содержащие два метафорических источника из одного подраздела сферы «Человек». Эти метафорические источники приводятся в конце данного подраздела в рамках одной словарной статьи. Например, в подразделе «Имена собственные» заголовок словарной статьи выглядит следующим образом: **ИВАН / МАРЬЯ**. В статье объединены два омонимичных названия растения *иван-да-марья* ‘бегония фуксиевидная’, ‘марьянник (дубравный?)’. Названия *мать-и-мачеха*, *мать-мачеха* ‘мать-и-мачеха обыкновенная’ входят в статью **МАТЬ / МАЧЕХА**.

Как видим, организация макроструктуры словаря уже сама по себе несет этнолингвистическую информацию: выделением сфер-источников метафорических фитонимов и фитоморфонимов манифестированы не только типовые метафорические модели, но и своеобразие ассоциативного восприятия объектов флоры носителями говоров.

Микроструктура словаря состоит из ряда компонентов.

1. Зона заглавной лексической единицы. В качестве заглавного слова используется обозначение ассоциативного источника метафорических наименований: например, **ПУГОВИЦА**. Внутри словарной статьи выделяются подразделы, в которых описывается диалектное название (названия) определённого растения или его части, устанавливающее ассоциативную

связь с указанным в заглавии отсылочным образом: *пуговочник* ‘пижма обыкновенная’, *пуговки* ‘семена пиона уклоняющегося’. Подраздел включает все формальные варианты данного фитонима, а также эмоционально-экспрессивные наименования. Так, у растения *просвирник маленький* имеются названия *пуговицы, пуговички, пуговки*. Они даются в столбик. У заглавной единицы и образованных от нее фитонимов выделяется ударный гласный.

Каждый фитоним наделяется пометами, фиксирующими его структурно-семантические (ЯМ, СО, в сравн.) и эмоционально-экспрессивные свойства (ласк., презрит., пренебрежит., снисходит., увелич., уменьш.-ласк., уменьш.-неодобр., уменьш.-пренебр., экспр.). К языковым метафорам (ЯМ) принадлежат «вторичные косвенные номинации, внутренняя форма которых отражает семантический тип мотивированности» [21. С. 7]: *сапожки* ‘травянистое растение башмачок красный с цветком в форме сапожка’, *петуший гребешок* ‘растение петуший гребешок с соцветием, напоминающим гребень петуха’, *воротничок* ‘кольцо на ножке гриба в виде воротничка’. К собственно образным (СО) лексемам отнесены «первичные номинации, внутренняя форма которых отражает морфологический тип мотивированности» [21. С. 8]: *гусынка* ‘травянистое растение чина весенняя, с длинным, изогнутым, будто шея гуся, стеблем’, *серебристый тополь* ‘дерево тополь серебристый, у которого одна сторона листа словно посеребренная’. Фитоморфони́мы зачастую имеют форму сравнения, например: *как пуговички, пуговичками*. Такие лексические единицы сопровождаются пометой **в сравн.**

Форма числа, в которой представлены фитонимы, зависит от формы, в которой они актуализованы в контекстах. Если иллюстрации содержат только форму единственного числа, то в заглавии подраздела фитоним или фитоморфони́м дается в единственном числе: *пуговочка* ‘плод травянистого растения вороний глаз’. В случае употребления исключительно формы множественного числа название растения или его части приводится во множественном числе: *пуговки* ‘просвирник маленький’. Недифференцированное употребление форм числа у некоторых фитонимов в речи диалектоносителей отражено в заглавии подраздела: *пуговочка*, мн. ч. *пуговочки* ‘цветочная корзинка пижмы’.

Подразделы дополняются перечислением образных синонимов лексикографируемых фитонимов и фитоморфони́мов, что позволяет проследить вариативность образного видения той или иной реалии растительного мира.

Среди подразделов вначале приводятся названия растений, затем – наименования их частей. Фитонимы и фитоморфони́мы с единым ассоциативным источником выстраиваются в алфавитном порядке как между подразделами, так и внутри них.

2. Зона толкования заглавной лексической единицы и мотивированных ею номинаций. Здесь указывается лексическое значение заглавной единицы. Семантизация мотивированных данным словом фитонимов и фитоморфони́мов осуществляется посредством формулировки образного значения. Оно содер-

жит три элемента: 1) денотат (его обозначение выделено полужирным шрифтом), 2) основание сопоставления денотата и образного источника; 3) источник метафорического переноса. Например: *пуговки, как пуговички* ‘цветочная корзинка пижмы (денотат), маленькая и круглая (основание сопоставления), как пуговица (источник)’.

Образное значение устанавливается с опорой на показания языкового сознания диалектоносителей. Так, приведенное выше образное значение сформулировано с учетом контекста: *Высокая такая растёт, она ещё выше растёт. И вот у неё тоже такой шапкой растут эти вот, такой шапкой [показывает], и на ней вот такие оранжевые пуговки, как пуговички [смеётся]. Цвет вот как пуговички, прям где-то вот такие, вот такие кругленькие [показывает]... А листики какие-то такие мелкие* (Том. Бат.).

3. Иллюстративная зона словарной статьи содержит примеры живого речевого употребления лексикографируемых единиц носителями среднеобских говоров.

В словарь включено максимально возможное количество иллюстративных текстов, собранных томскими диалектологами. Они являются значимым ресурсом этнолингвистической информации. Высказывания информантов отражают не только факты народной метаязыковой рефлексии, но и особенности вплетения растений в живую жизнь носителей диалекта, в традиционную культуру вековых среднеобских сел и деревень. Дискурсивные реализации элементов фитонимического поля детально характеризуют особенности внешнего вида и физиологии растений: *Листник почему так назвали? Так семечки-то у него на клюв ихний похожи. По колену растёт, стволик волосками покрыт, а цветочки небольшие, красненьки. А как дождик, так семечко прямое, а как солнышко, так оно кручёное такое, чтоб в землю вкрутиться* (Кем. Бар.). Рассказывают о возможностях их лекарственного применения: *Грибы? Дедушкин табак растёт. От него всё старались подальше, вдруг в глаза. А когда ноги ноют, им обсыпали, раньше ведь всё своими средствами [обходились]. Это теперь химию напридумывали* (Яйск. Арыш.). Сообщают об использовании растений в пищу в обыденной жизни и в минуту испытаний: *Маслёнки таки маленькие, жёлтеньки, мы их не солим, а жарим с картошкой* (Яшк. Мох.); *Грибы были всякие, толстяки, а цас их нету, все грибы пастухи выбили. Двадцатый год голодный был, вот мы все грибами да ягодами и питались* (Шег. Мельн.). *Одуванчик вон растёт. В войну-то его ели, и листья, и корни, да и сейчас, говорят, и варенье с него варить можно, и салат делать* (Яйск. Арыш.). Описывают народную смекалку, которая находила необычное применение растениям в тяжелое время: *Раньше в послевоенное время с мылом туго было. Так мы чё похуже из одежды да чё на каждый день мыльцем стирались да губкой. Мыльце – это растение такое. В лесу, на полях оно растёт. Цветёт красными цветами в кучку собранными. Вот наберёшь этих цветков, водичкой помочишь, разотрёшь хорошенько, и оно мыльное такое становится. Вот так и стирала* (Шег. Мельн.).

Приоткрывается завеса над нехитрыми магическими практиками, в которых растения применялись в качестве оберегов, становились атрибутами обрядов, гаданий: *Чертополох. Это такое редкое растение, оно в таком буреломе, глуши, где-то близко возле воды. Колючее, высокое, примерно полтора метра, чашечка такая и цветёт жёлто, а середина беловата. Его срывают и вешают возле зеркала. Там, где маленькие дети, чтобы не боялись. Вот этот чертополох и правда сам похож на чёрта. Колючий и редкий-редкий этот цветок* (Том. Н.-Рожд.). *Зверобой, кровавец ли, в лесу растёт, где кедра, ели, сосны. Или лес срубят, он там и выросал. На Иванов день девки из него венки плели, а потом смотрели, скоко с венками-то сока и гадали, будущее пророчили. Мама наша его в дому весила, говорила, всё зло он прогоняет и домашних всяких* (Бакч. Порот.).

Иллюстративные тексты свидетельствуют, что объекты мира флоры не так давно были широко задействованы в детских развлечениях, играх: *Есть тако растение, мы их недотрогами звали. Когда они отцветут, там таки коробочки. Если их тронешь, то они как бы взрываются, а оттудова семанки вылетают. Когда мы были ребятишками, любили их рвать* (Том. Н.-Рожд.). *И ещё... и ещё сорняк, например, вот похожий... трава куриные хвостики. С них в детстве всё делали так: рукой из низу проведёшь к колоску, и всё отрывается, и определяешь, петушок это или курочка. Если там хвостик торчит длинненький, значит, это петушок. Длинная тоже трава* (Яшк. Полом.).

Этиологические легенды свидетельствуют о желании человека найти причины событий, объяснить устройство жизненного мира: *Растёт и вороний глаз, воронье око, а мама моя всегда называла воронья ягода... Много я знаю легенд, мама всё время рассказывала. И про воронье око знаю. Сейчас расскажу. Много годов тому назад жил в лесу старик одинок, и бывал у его друг ворон. Старик научил своего друга улетать от глазов людских и научил его будущее видеть. Потом старик умер, а ворон до сих пор плачет по потере друга своего. И из каждой слезы его вырастает растение с глазом. Поэтому и воронье око* (Шег. Мельн.).

Контексты отобраны по степени полноты экспликации этнолингвистических сведений, которые сопутствуют реализации единиц фитонимического поля в диалектной лингвокультуре. Если несколько имеющих в нашем распоряжении контекстов включают в себя близкую по содержанию информацию, они не устраняются из числа речевых иллюстраций, поскольку регулярность вербализации тех или иных сведений подтверждает их значимость для данной языковой общности.

4. Этнолингвистический комментарий. Данный компонент словарной статьи выявляет добавочные культурные смыслы, аккумулярованные в значении образных фитонимов и фитоморфонимов, и характеризует культурный фон, с которым взаимодействует фитонимическое поле.

По возможности данный раздел включает: I. Экспликацию метафорической модели (моделей), реализуемой фитонимами и фитоморфонимами с общим ассоциативным основанием; II. Этимологию лексиче-

ской единицы, репрезентирующей отсылочный образ; III. Паремии и фразеологизмы, содержащие лексему – метафорический источник; IV. Сведения о роли растений и реалий, с которыми они сопоставляются, в народной культуре (фольклоре, обрядах и ритуалах, ценностной картине мира сельских жителей).

Этнолингвистический комментарий видится одним из важнейших параметров словаря, описывающего взаимодействие языка и культуры. Так, Т.Б. Банкова отмечает, что «сосредоточение на культурном компоненте в семантике слова, представление его в деталях, а затем интерпретация в словотолковании реального бытования лексемы в коммуникативном акте – первостепенная задача словарей, представляющих конкретную лингвокультуру» [28. С. 78].

Образные лексические единицы имеют в этом плане свою специфику. Поскольку семантика образных единиц обладает свойством двуплановости, то культурными коннотациями пронизаны все составляющие образного значения (денотат, образный источник и основание их сопоставления). Так, фитоним *бабий язык* ‘традесканция’ (*Есть [растение] бабий язык называется. Бабий язык длинный, болтает много, сплетни собирает. Он ещё цветёт красиво. Красный цветок на ишичке такой. Листья у него толстые* (Ас. Н.-Кус.)) отражает метафорическое переосмысление лингвокультурного стереотипа о женской болтливости, злоязычии. Основанием сопоставления растения и отсылочного образа является номинативный признак – имеющий длинные, переплетающиеся друг с другом листья. Что касается ассоциативного источника, то лексема *язык* является метонимическим переносом речевой способности в целом, а *бабий язык* указывает на культурное представление о негативных гендерных характеристиках именно женской коммуникации. Как показывает данный пример, в формировании культурного слоя значения участвуют все компоненты образной семантики.

В диалектном фитонимическом материале встречаются лексемы, культурную семантику которых легко вычленишь из контекстуальных реализаций, как в представленном выше примере (впрочем, и здесь роль самого растения *бабий язык* в пространстве народной культуры не осмыслена ввиду сравнительно недавнего его появления в быту информантов). Тем не менее большое количество иллюстративного материала имеет лакуны в плане экспликации этнокультурного слоя тех или иных компонентов значения. В этом случае целесообразно привлечение различных материалов справочного характера, позволяющих увидеть и описать культуру, внутри которой функционирует диалект. Отметим, что словарные статьи опираются на сведения о других региональных лингвокультурах, так как различные диалекты раскрывают единую ментальность русского этноса, а потому имеют множество сходных черт. В качестве источника энциклопедических материалов использован ряд словарей [1, 29–32, 43] и монографий [34–42]. К информации, характеризующей культурный фон, относятся этимология, паремии и фразеологизмы, сведения о месте самого растения и образного источника его номинации в этнической культуре.

5. Фотоизображение.

Пример словарной статьи:

<p>ПУГОВИЦА, мн. ч. пуговицы ПУГОВИЧКА, мн. ч. пуговица, уменьш.-ласк. ПУГОВКА, мн. ч. пугови, разг.</p>	<p>Застёжка, продеваемая в петли одежды, обычно круглой формы. <i>А я экономка была раньше, всё собирала пуговицы</i> (Том. Верш.). <i>Ботинки купят на всю жись. С пуговочками были ботинки, всё равно хороши были ботинки. Счас таких и нету, как раньше</i> (Том. Верш.). <i>Она така растрёпа ходит, как попало: здесь петелька есь – пугови нету, здесь пуговка есь – петельки нету</i> (Том. Верш.). <i>Брошки там взял, набрал всё это, пугови таки набрал</i> (Том. Верш.).</p>
<p>Пуговицы. ЯМ. Пуговички. ЯМ. Пугови. ЯМ, уменьш.-ласк. <i>Син. баранки, горошек, калачики, калачики-малачики, пряники, репка, свиный горох, свиный горох</i></p>	<p>Травянистое растение просвирник маленький с круглыми семенами наподобие пуговиц. <i>Полевые кудри – пуговички, вот уже от их семянушки дети играют в городушки</i> (Зыр. Илов.). <i>Траву эту называют пуговички, ели их раньше</i> (Томск). <i>С мальства кудри пуговичками звали</i> (Зыр. Илов.). <i>А, вот она, господи, пугови, ели мы их, мы чё только не ели [...]. А пугови ели, ели, ага, в огороде они есть. А пугови... так они на твёрдой почве и вот такой круглый листик и эти самые пуговочки, едят которые</i> (Яйск. Арыш.).</p>
<p>Пуговочник. СО. <i>Син. дикая рябина, дикая рябинка, желтоголовник, рябинка, рябинник</i></p>	<p>Травянистое растение пижма обыкновенная с небольшими круглыми соцветиями в виде желтых пуговиц. <i>Пуговочник собирают молодые цветки. От поносов [...]. Против мух и блох</i> (Кож. Апт.).</p>
<p>Пуговички. В сравн., уменьш.-ласк. <i>Син. калачик (мн. ч. калачики), лепёшки, пышечки, сушечки</i></p>	<p>Семена просвирника маленького, напоминающие по форме пуговицу. <i>Пуговички» их у нас зовут: семена, как пуговички</i> (Зыр. Черд.).</p>

<p>Пуговички. В сравн., ЯМ, уменьш.-ласк. <i>Син. пузырьчечек</i></p>	<p>Соцветие-корзинка ромашки дисковидной (безъязычковой), мелкое, круглое, как пуговица.</p> <p><i>По обочинам дорог, в огороде, во дворе ромашка растёт, у неё ещё такие жёлтенькие пуговички (Чебул. Шест.). Ромашка растёт у нас. Цветок мелкий. На ей ягодки жёлтеньки, как пугови (без помет)</i>³.</p>
<p>Пуговица. ЯМ. Пуговка, мн. ч. пугови. В сравн. ЯМ, уменьш.-ласк. Пуговички. В сравн., уменьш.-ласк. Пуговочка, мн. ч. пуговочки. В сравн., ЯМ, уменьш.-ласк. <i>Син. копейки, копеечки, пятачки</i></p>	<p>Цветочная корзинка пижмы, маленькая и круглая, как пуговица.</p> <p><i>Пижма, её разное зовут, здесь «девятильник», по берегу растёт. Высокая такая, вот только, как пуговица, на былочке. Трава кругом [листья на стебле], а сверху – как пяточок. Желтенький такой (без помет). Десятильник – пижма. Шестидесят-восемьдесят сантиметров. Пуговичками жёлтенькими светёт. Говорят, от головы, от желудку (Шег. Бат.). Вот только я знаю десятильник траву. Она тоже вот така... большой стебель у ей, и такая вот шишечка, как пуговички жёлтеньки, все в одной кучке. Вот он тоже хорошо (Том. Яр.). Высокая такая растёт, она ещё выше растёт. И вот у неё тоже такой шапкой растут эти вот, такой шапкой [показывает], и на ней вот такие оранжевые пугови, как пуговички [смеётся]. Цвет вот как пуговички, прям где-то вот такие, вот такие кругленькие [показывает]... А листики какие-то такие мелкие (Том. Бат.). Вот только я знаю десятильник траву. Она тоже вот така: большой стебель у ей и така вот шишечка, как пуговички жёлтеньки, все в одной куче (Том. Верш.). Желтоголовник – листья жёлтые, [цветы], как пуговички, желтенькие (Крив. Жук). Пижма – жёлтые головки, пугови, от печени хорошо (Яйск. Возн.). Десятильник, на ветке девять веточек с девятью пуговками, вот и десятильник (Шег. Бат.). Желтушница пуговками цветёт. Растёт по берегам, в низинах. Ещё называют пижма (Кож. Апт.). Желтушница [это], эти пугови добавляют в хлеб, чтобы виш не водились. Пьют от желтухи (Кож. Апт.). Но он тоже есть женский и мужской, этот десятильник. Есть мужской, эти цветочки таки гладеньки, выпухшие такие, гладенькие, ну, как на пуговке. Пуговочка такая выпухшая. А есть пуговочка, а посредке впадинка. Вот это женская будет уже (Том. Яр.). «А почему десятильник?» – «А потому что девять пуговочек». – «Всегда?» – «Да. Хоть как сорви, все – девять. У него на макушке много, а на этих – всегда девять». – «На самой высокой?» – «Хоть на какой» (Том. Яр.). Пижма растёт высокая [...]. А сверху пуговочка. Шишечки, головочки такие оранжевые (Яшк. Полон.). «А вот та самая пижма, а по-нашему она называется десятильник.» – «Ну вот откуда? Разве здесь девять пуговочек?». От печени жёлтый цветочек, она называется пижма... Пижма называется, пижма, пуговочками. Она просто растёт веткой и вот пуговочками жёлтенькими. Она высокая. Вот такая. Высока. И вот лапками, пуговочками жёлтыми. Её запаривают только цветки, он печени хорошо. Ну, я не пила от печени. Мне всё лекарство полынь, и людям советую, чтобы полынь пили от печени, они подышают червячки в печени. Вот так я и лечусь, дочка (Том. Пет.). Пижму, это желтоголовник зовут, пью. Это от желудка хорошо, когда печень болит, тоже пью. Она высокая, а сверху эти... пуговочки жёлтеньки (Мар. Кирс.). Пижма... У ей таки пуговочки жёлтые, ага (без помет). Ну вот откуда? Разве здесь девять пуговочек? (без помет). Что много вот этих вот пуговочков жёлтеньких (без помет).</i></p>

<p>Пуговики. ЯМ, уменьш.-ласк.</p>	<p>Семена пиона уклоняющегося, мелкие, словно пуговицы.</p> <p><i>Потом знаю марьин корень, или марья-коренья. Этот цветок высокий растёт, цветёт тёмно-красным. Его ещё иногда называют дикий пион. А когда отцветает марьин корень, то семянушки у него как в коробочку запрятаны и похожи на чёрные бусинки. Когда я была девочкой, то собирали эти пуговики и делали себе бусы (Чебул. Шест.).</i></p>
<p>Пуговочка. ЯМ, уменьш.-ласк. Син. глаз, глазочек</p>	<p>Плод травянистого растения вороний глаз – синевато-чёрная ягода, круглой, как пуговка, формы.</p> <p><i>А в лесу он [вороний глаз] есть. Вот така травочка вырастет, сразу розеточка и больша така пуговочка одна (Том. Яр.).</i></p>

I. Растения и их части (соцветия, семянки, плоды) сравниваются с пуговицей в связи с их плоской или круглой формой и маленьким размером.

II. **Пу́говица, пу́говка**, стар. *пуговица* (Котошихин 114), укр. *пу́говиця*, др.-русск. *пугъвъ*, *пугы*, род. п. *-ъве*, сербск.-цслав. *пжгы*, *-ъве́роїѣмоѣ*, словен. *roglisa* «булавка, заколка», польск. диал. *paḡwica* «пуговица; утолщение на шее у козы, зуб». || Обычно сравнивают с лтш. *piḡda*, *piogs* «пуговица», др.-инд. *piñjas* м. «куча, ком, масса», *piṇgas* «куча, масса» (М. Фасмер).

III. *Пуговица отъемная* – запонка. *Села, как пуговка* – надоедает. *С пуговики на петельку перебивается* – кой-как. *Пуговицы продаются портищами* (от порт – одежда), либо прибором, сколько идет на известную одежду. *И за светлою пуговицей душа (совесть) живет* – как изъятие, о приказных. *У него рожка вытянулась по шестую пуговицу* – от приятной вест. *На него надо кнут с пуговкой* – грозу. *Пуговички золоченые, а три дня не евши. Щеголек, ровно обтяжная пуговица. Рогатой скотины: ухват да мутовка (петух да курица), медной посуды: крест да пуговица. Стой, батальон: пуговку нашел! Марш, марш – без ушка!* – насмешка над гарнизонным начальником (В. Даль).

IV. Изобретение пуговицы относят к древнейшим временам. Пуговицы, найденные при раскопах города Мохенджо-Даро, датируются третьим тысячелетием до новой эры. Изредка пуговицы встречаются и в античных раскопках. Однако в это время пуговицы выполняли другую роль: они использовались в качестве амулетов, оберегов или просто украшений.

С XIII века пуговица снова стала применяться в качестве украшения. Только в XIV веке появилась на одежде петля для пуговиц. В целом же как в Европе, так и на Руси пуговицы долгое время считались принадлежностью определенных сословий, в особенности военных. Для них пуговицы изготавливались из металла, для штатских – в основном из перламутра. С XVIII века пуговицы стали делать из простых материалов: стали, коровьего копыта, древесины. Тем не менее в сознании русского народа пуговица продолжала ассоциироваться с богатыми сословиями, что отражают приведенные выше пословицы.

Словарь этнолингвистического типа призван стать проводником в мир единства языка и духа народа, ментального своеобразия и бытового уклада. Замечательная мысль Й.Л. Вайсгербера о том, что «**ничто так**

тесно не связано с судьбой какого-либо народа, чем его язык, и нет более тесной взаимосвязи, чем между народом и его языком» [42. С. 107], ярко иллюстрируется содержанием этнолингвистических словарей.

Условные сокращения грамматических, структурно-семантических и эмоционально-экспрессивных помет

мн. ч. – множественное число

СО – собственно образная лексическая единица

ЯМ – языковая метафора

ласк. – ласкательное
 презрит. – презрительное
 пренебрежит. – пренебрежительное
 снисходит. – снисходительное
 увелич. – увеличительное
 уменьш. – ласк. – уменьшительно-ласкательное
 уменьш.-неодобр. – уменьшительно-неодобрительное
 уменьш.-пренебр. – уменьшительно-пренебрежительное
 экспр. – экспрессивное

Условные сокращения географических названий

Ас. Н.-Кус. – Асиновский р-н, Ново-Кусково (Томская обл.)
 Бакч. Порот. – Бакcharский р-н, Поротниково (Томская обл.)
 Зыр. Илов. – Зырянский р-н, Иловка (Томская обл.)
 Зыр. Черд. – Зырянский р-н, Чердаты (Томская обл.)
 Кем. Бар. – Кемеровский р-н, Барзас (Кемеровская обл.)
 Кож. Апт. – Кожевниковский р-н, Аптала (Томская обл.)
 Мар. Кирс. – Мариинский р-н, Кирсановка (Кемеровская обл.)
 Том. Бат. – Томский р-н, Батурино (Томская обл.)
 Том. Н.-Рожд. – Томский р-н, Ново-Рождественка (Томская обл.)
 Том. Пет. – Томский р-н, Петухово (Томская обл.)
 Том. Яр. – Томский р-н, Ярское (Томская обл.)
 Чебул. Шест. – Чебулинский р-н, Шестаково (Кемеровская обл.)
 Шег. Бат. – Шегарский р-н, Баткат (Томская обл.)
 Шег. Мельн. – Шегарский р-н, Мельниково (Томская обл.)
 Яйск. Арыш. – Яйский р-н, Арышево (Кемеровская обл.)
 Яйск. Возн. – Яйский р-н, Вознесенка (Томская обл.)
 Яшк. Мох. – Яшкинский р-н, Мохово (Кемеровская обл.)
 Яшк. Полом. – Яшкинский р-н, Поломошное (Кемеровская обл.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Оба издания сходны по назначению и типологическим особенностям, но сильно отличаются объемом представленного материала.

² Толкованием диалектного фитонима выступает научное наименование растения.

³ Контексты взяты из «Полного словаря сибирского говора» (1992–1995) и «Словаря образных единиц сибирского говора» (2014), в которых ареальные пометы отсутствуют.

ЛИТЕРАТУРА

1. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995–2012.
2. Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б., Смольников С.Н., Минюхина Е.А. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. М.: ИЭА РАН, 1997. 432 с.
3. Гилярова Н.Н., Морозов И.А., Слепцова И.С., Чижилова Л.Н. Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань: РОНМЦНТ, 2001. 488 с.
4. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.: АСТ-Пресс КНИГА, 2006. 784 с.
5. Балдова А.В., Грекова М.В., Живаго Н.А., Юрина Е.А. Словарь русской пищевой метафоры / под ред. Е.А. Юриной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015–2017. Т. 1–2.
6. Банкова Т.Б. Словарь сибирского свадебного обряда. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2018. Т. 1. 198 с.
7. Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 119–131.
8. Разина А.С. Этнолингвистические, этнодиалектные и лингвокультурологические словари как новый этап лексикографии // Вопросы лексикографии. 2018. № 14. С. 50–67.
9. Шмелев А.Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? // А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 17–24.
10. Арьянова В.Г. Словарь названий частей растений: говоры Среднего Приобья. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2010–2011. 246 с.
11. Анненков Н.И. Ботанический словарь. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1878. 646 с.
12. Бугаев И.В. Краткий словарь народных и научных названий декоративных, лекарственных и пищевых растений: науч.-попул. изд.. Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. 208 с.
13. Бугаев И.В. Научные и народные названия растений и грибов: науч.-попул. изд. Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. 688 с.
14. Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург: НУДО «Межотраслевой образовательный центр», 2000. 233 с.
15. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006–2008. Т. 1–3.
16. Мороз А.Б. О фольклорности нефольклорного: евангельские события в восприятии современного крестьянина // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002. С. 31–43.
17. Савенко А.С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков. Фитонимы. М.: Ленанд, 2012. 187 с.
18. Мотивационно-сопоставительный словарь наименований растений и птиц: [на материале русского, казахского языков] / под ред. А.Д. Жакуповой. Кокшетау: Келешек-2030, 2013. 256 с.

19. Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во НТЛ, 1997. 208 с.
20. Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во НТЛ, 2001. 312 с.
21. Блинова О.И., Юрина Е.А. Словарь образных слов русского языка. Томск : UFO-Plus, 2007. 364 с.
22. Словарь образных единиц сибирского говора / авт.-сост. О.И. Блинова, М.А. Толстова, Е.А. Юрина; под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 220 с.
23. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / под ред. В.В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1964–1967. Т. 1–3.
24. Полный словарь сибирского говора / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992–1995. Т. 1–4.
25. Вершининский словарь / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. Т. 1–7.
26. Блинова О.И., Сыпченко С.В. Мотивационный словарь сибирского говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009–2010.
27. Блинова О.И. Русская диалектология. Лексика : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 133 с.
28. Банкова Т.Б. Об особенностях толкования лексических единиц в диалектном лингвокультурологическом словаре // Вопросы лексикографии. Томск, 2019. № 16. С. 77–91.
29. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М. : Сов. энциклопедия, 1991. 736 с.
30. Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. М. : Астрель ; АСТ ; Транзиткнига, 2005. 348 с.
31. Русский образ жизни / гл. ред. и сост. О.А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2007. 944 с.
32. Русский народ. Этнографическая энциклопедия / гл. ред. и сост. О.А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2013. Т. 1–2.
33. Русские: семейный и общественный быт: [сборник статей] / отв. ред. М.М. Громыко, Т.А. Листова. М. : Наука, 1989. 334 с.
34. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М. : Наука, 1991. 511 с.
35. Головкин Б.Н. О чем говорят названия растений. М. : Колос, 1992. 191 с.
36. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997. 912 с.
37. Белова О.В. «Народная Библия»: восточнославянские этимологические легенды. М. : Индрик, 2004. 575 с.
38. Колосова В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники: этнолингвистический аспект. М. : Индрик, 2009. 350 с.
39. Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. 163 с.
40. Сумцов Н.Ф. Народный быт и обряды. М. : Ин-т русской цивилизации, 2014. 688 с.
41. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М. : Академический проект, 2015. Т. 1–3.
42. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа // пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. 2-е изд., испр. и доп. М. : Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
43. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 июня 2020 г.

The Project of the Linguacultural Dictionary *The World Reflected in the Folk Names of Plants*
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 34–45.
 DOI: 10.17223/15617793/457/4

Anastasiya S. Razina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: razina-anastasia@yandex.ru

Keywords: linguacultural dictionary; phytonyms; phytomorphonyms; dialect; language metaphor, folk culture.

The article presents the project of the linguacultural dictionary *The World Reflected in the Folk Names of Plants*. The dictionary will continue a series of dictionaries combining linguistic, cultural, and ethnographic information. In addition, the project expands the number of thematic phytonymic dictionaries (dictionaries by N.I. Annenkov (1878); I.V. Bugaev (2008, 2010); N.I. Konovalova (2000); B.G. Aryanova (2006–2008); A.S. Savenko (2012); A.D. Zhakupova (2013)). The aim of the study was to develop the concept of an ethnolinguistic dictionary of dialect phytonyms and phytomorphonyms, and to think through its macro- and micro-structure. To achieve the aim, a lexicographic method, through modeling and defining, and the basic method of scientific description with its observation, classification and interpretation techniques were used. The main sources of the material were the Russian dialects of the Middle Ob region, which include all-Russian and dialect names of plants, as well as dialect variants of all-Russian names. In terms of the structure, these nominations are univerns, two-word names, compounds connected by hyphens, by the instrumental of comparison, by comparative phrases. The dictionary is compiled as differential (thematic) and aspectual (metaphorological) project. Linguistic and cultural information permeates its macro- and micro-structure. The macro-structure of the phytonymic dictionary is built by identifying semantic spheres whose objects and phenomena the realities of the plant world are associated with. The entry includes: (1) the headword zone with the associative source of the figurative nomination and phytonyms with the common source of the metaphorical image; the phytonyms have grammatical, structural-semantic and expressive labels; (2) the interpretation of the figurative meaning that explains the basis of the metaphorical relations of the denotation and the source of the figurative name; (3) illustrative contexts that demonstrate real dialect speech; (4) an ethnolinguistic commentary; (5) photographs. The ethnolinguistic commentary contains: (1) a description of the metaphorical model reflected in phytonyms with a single associative basis; (2) the etymology of the lexical donor unit; (3) paroemias and phraseological units that include the associative image; (5) encyclopedic information from the biological field; (4) encyclopedic information about the role of plants and the realities they are compared with in folk culture (folklore, rituals and rituals, the axiological picture of the world of rural residents). An example of a dictionary entry “PUGOVITSA” [Button] is given.

REFERENCES

1. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995–2012) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Vols 1–5. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya.
2. Morozov, I.A. et al. (1997) *Dukhovnaya kul'tura Severnogo Belozerja. Etnodialektnyy slovar'* [Spiritual Culture of the Northern Belozerye. Ethnodialect dictionary]. Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography RAS.
3. Gilyarova, N.N. et al. (2001) *Ryazanskaya traditsionnaya kul'tura pervoy poloviny XX veka. Shatskiy etnodialektnyy slovar'* [Ryazan Traditional Culture of the First Half of the 20th Century. Shatsk ethnodialect dictionary]. Ryazan: RONMTsNT.

4. Teliya, V.N. (2006) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskiy kommentariy* [Large Phraseological Dictionary of the Russian Language. Value. Use. Cultural commentary]. Moscow: AST-Press KNIGA.
5. Yurina, E.A. (ed.) (2015–2017) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian Food Metaphor]. Vols 1–2. Tomsk: Tomsk State University.
6. Bankova, T.B. (2018) *Slovar' sibirskogo svadebnogo obryada* [Dictionary of the Siberian Wedding Rite]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
7. Gridina, T.A. & Konovalova, N.I. (2017) Lexicographic interpretation of dialectal phraseology: a cultural-linguistic aspect. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 119–131. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/8
8. Razina, A.S. (2018) Ethnolinguistic, ethnodialectal and linguacultural dictionaries as a new stage of lexicography. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 14. pp. 50–67. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/14/3
9. Shmelev, A.D. (2005) *Mozhno li ponyat' russkuyu kul'turu cherez klyuchevye slova russkogo yazyka?* [Is it possible to understand Russian culture through the keywords of the Russian language?]. In: Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Linguistic World View]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 17–24.
10. Ar'yanova, V.G. (2010–2011) *Slovar' nazvaniy chastei rasteniy: govory Srednego Priob'ya* [Dictionary of Plant Parts Names: Dialects of the Middle Ob region]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
11. Annenkov, N.I. (1878) *Botanicheskiy slovar'* [Botanical Dictionary]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
12. Bugaev, I.V. (2008) *Kratkiy slovar' narodnykh i nauchnykh nazvaniy dekorativnykh, lekarstvennykh i pishchevykh rasteniy* [A Short Dictionary of Folk and Scientific Names of Ornamental, Medicinal and Food Plants]. Tomsk: TML-Press.
13. Bugaev, I.V. (2010) *Nauchnye i narodnye nazvaniy rasteniy i gribov* [Scientific and Folk Names of Plants and Mushrooms]. Tomsk: TML-Press.
14. Konovalova, N.I. (2000) *Slovar' narodnykh nazvaniy rasteniy Urala* [Dictionary of Folk Names of Plants in the Urals]. Yekaterinburg: NUDO “Mezhotraslevooy obrazovatel'nyy tsentr”.
15. Ar'yanova, V.G. (2006–2008) *Slovar' fitonimov Srednego Priob'ya* [Dictionary of Phytonyms of the Middle Ob Region]. Vols 1–3. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
16. Moroz, A.B. (2002) O fol'klornosti nefol'klornogo: evangel'skie sobytiya v vospriyatii sovremennogo krest'yanina [On the Folklore of Non-Folklore: Evangelical events in the perception of a modern peasant]. In: Ivanova, A.A. (ed.) *Aktual'nye problemy polevoy fol'kloristiki* [Actual Problems of Field Folklore Studies]. Moscow: Moscow State University. pp. 31–43.
17. Savenko, A.S. (2012) *Motivatsionno-sopostavitel'nyy slovar' russkogo i angliyskogo yazykov. Fitonimy* [Motivational Comparative Dictionary of Russian and English. Fitonyms]. Moscow: Lenand.
18. Zhakupova, A.D. (ed.) (2013) *Motivatsionno-sopostavitel'nyy slovar' naimenovaniy rasteniy i ptits: [na materiale russkogo, kazakhskogo yazykov]* [Motivational-Comparative Dictionary of Names of Plants and Birds: [On the material of Russian and Kazakh languages]]. Kokshetau: Keleshek-2030.
19. Blinova, O.I. (ed.) (1997) *Slovar' obraznykh slov i vyrazheniy narodnogo govora* [Dictionary of Figurative Words and Expressions of Folk Dialect]. Tomsk: Izd-vo NTL.
20. Blinova, O.I. (ed.) (2001) *Slovar' obraznykh slov i vyrazheniy narodnogo govora* [Dictionary of Figurative Words and Expressions of Folk Dialect]. Tomsk: Izd-vo NTL.
21. Blinova, O.I. & Yurina, E.A. (2007) *Slovar' obraznykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Figurative Words of the Russian Language]. Tomsk: UFO-Plus.
22. Blinova, O.I. (ed.) (2014) *Slovar' obraznykh edinits sibirskogo govora* [Dictionary of Figurative Units of the Siberian Dialect]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Palagina, V.V. (ed.) (1964–1967) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi* [Dictionary of Russian Old-Timers' Dialects in the Middle Part of the Ob River]. Vols 1–3. Tomsk: Tomsk State University.
24. Blinova, O.I. (ed.) (1992–1995) *Polnyy slovar' sibirskogo govora* [Complete Dictionary of the Siberian Dialect]. Vols 1–4. Tomsk: Tomsk State University.
25. Blinova, O.I. (ed.) (1998–2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershinino Dictionary]. Vols 1–7. Tomsk: Tomsk State University.
26. Blinova, O.I. (ed.) (2009–2010) *Motivatsionnyy slovar' sibirskogo govora* [Motivational Dictionary of Siberian Dialect]. Tomsk: Tomsk State University.
27. Blinova, O.I. (1984) *Russkaya dialektologiya. Leksika* [Russian Dialectology. Lexis]. Tomsk: Tomsk State University.
28. Bankova, T.B. (2019) On the peculiarities of the interpretation of lexical units in a dialectic linguocultural dictionary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 16. pp. 77–91. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/16/5
29. Meletinskiy, E.M. (ed.) (1991) *Mifologicheskiy slovar'* [Mythological Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
30. Dal', V.I. (2005) *Bol'shoy illyustrirovannyi tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [A Large Illustrated Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Astrel'; AST; Tranzitkniga.
31. Platonov, O.A. (ed.) (2007) *Russkiy obraz zhizni* [Russian Way of Life]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
32. Platonov, O.A. (ed.) (2013) *Russkiy narod. Etnograficheskaya entsiklopediya* [Russian People. Ethnographic Encyclopedia]. Vols 1–2. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
33. Gromyko, M.M. & Listova, T.A. (eds) (1989) *Russkie: semeynyy i obshchestvennyy byt* [Russians: Family and Social Life]. Moscow: Nauka.
34. Zelenin, D.K. (1991) *Vostochnoslavlyanskaya etnografiya* [East Slavic Ethnography]. Moscow: Nauka.
35. Golovkin, B.N. (1992) *O chem govoryat nazvaniya rasteniy* [What Plant Names Say]. Moscow: Kolos.
36. Gura, A.V. (1997) *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. Moscow: Indrik.
37. Belova, O.V. (2004) *“Narodnaya Bibliya”: vostochnoslavlyanskije etnologicheskie legendy* [“People's Bible”: East Slavic Etiological Legends]. Moscow: Indrik.
38. Kolosova, V.B. (2009) *Leksika i simvolika slavyanskoy narodnoy botaniki: etnolingvisticheskiy aspekt* [Lexicon and Symbolism of Slavic Folk Botany: Ethnolinguistic aspect]. Moscow: Indrik.
39. Tokarev, S.A. (2012) *Religioznye verovaniya vostochnoslavlyanskikh narodov XIX – nachala XX veka* [Religious Beliefs of the East Slavic Peoples of the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: LIBROKOM.
40. Sumtsov, N.F. (2014) *Narodnyy byt i obryady* [Folk Life and Rituals]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
41. Afanas'ev, A.N. (2015) *Poeticheskie vozreniya slavyan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov* [Poetic Views of the Slavs on Nature: The Experience of a Comparative Study of Slavic Traditions and Beliefs in Connection with the Mythical Legends of Other Kindred Peoples]. Vols 1–3. Moscow: Akademicheskii proekt.
42. Weisgerber, J.L. (2004) *Rodnoy yazyk i formirovanie dukha* [Mother Tongue and Mind Formation]. Translated from German by O.A. Radchenko. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS.
43. Vasmer, M. (1986–1987) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vols 1–4. Moscow: Progress.

Received: 24 June 2020